

МАРКСИЗМ И ПРЕДМЕТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ ИЛЬЕНКОВА О ЧЕЛОВЕКЕ И СОЗНАНИИ

Корсаков Сергей Николаевич — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора истории русской философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. ORCID ID: 0000-0002-5272-9675 snkorsakov@yandex.ru

Аннотация. Статья написана в связи со столетним юбилеем выдающегося советского философа Эвальда Васильевича Ильенкова (1924–1979). Говорится о значении идей Ильенкова в истории философии, о его месте в рамках марксистской философии, аутентичная форма которой развивалась в Советском Союзе школой диалектиков, а затем школой Ильенкова. Основное внимание уделено идеям Ильенкова о человеке и о сознании. В качестве перспективной предлагается идея соединения диалектической логики с философией человека (философской антропологией). Подчеркивается роль категории «предмет» и метода раздвоения единого в познании человека и его индивидуальности. Сделан вывод, что Ильенков раскрыл известное марксово определение сущности человека в соответствии с указанием самого Маркса как конкретно-всеобщее понятие, позволяющее подвести философский фундамент под понимание человека как активной творческой индивидуальности. Рассматриваются идеи Ильенкова о сознании, и говорится о перспективности процессуального понимания сознания и подходе к нему как удвоенному отношению к предмету — отношению к отношению, постоянно возобновляемому измерению предметной деятельности. Отмечаются прикладные следствия из трактовки Ильенковым человека и сознания. Они касаются,

во-первых, критики Ильенковым конструктивистского стиля мышления, который у него обозначался термином «позитивистский», и который, вопреки создаваемой терминологической видимости, вытесняет науку как познание законов природы. Во-вторых, критики Ильенковым технократического самомнения, которое, обещая человеку «потребительский рай» с помощью средств электронной цивилизации, закономерно трансформировалось в трансгуманизм, возвращающий человека из свободы социального творчества в порядок биологической эволюции видов.

Ключевые слова: Ильенков, диалектика, марксизм, философия человека, сознание, предмет, раздвоение единого, индивидуальность, самотрансцендирование, интенциональность, конструктивизм, трансгуманизм.

Ссылка для цитирования: Корсаков С.Н. Марксизм и предметность человека: Актуальность идей Ильенкова о человеке и сознании // Человек. 2025. Т. 36, № 1. С. 7–22. DOI: 10.31857/S0236200725010011

Диалектическая логика и философия человека

Ильенков Эвальд Васильевич (1954 г.)

Источник: РГАСПИ

В общежитии, и это сформировало мое философское мировоззрение. В аспирантуре я стал преподавать философию и исходил при этом из идей Ильенкова, которые развивал так, как мне это виделось.

Я пришел к выводу, что диалектическая логика — единственное философское учение, адекватное сути мира, в котором мы живем, и потому не могущее устареть. Под актуальностью идей Ильенкова о человеке и сознании я поэтому понимаю не их случайное соответствие каким-то вновь появившимся теориям человека или же сознания, а вечность этих идей, их классический характер, предполагающий возвращение к ним при обогащении дополняющим их развитием.

В методе диалектической логики состоит оригинальный и опережающий современность вклад в мировую философию советской философии. Советский марксизм, идущий от Плеханова и Ленина, и есть аутентичная марксистская философия. Аутентичная потому, что исходила из наличия в марксизме, в произведениях Маркса и Энгельса собственной философской основы: диалектического материализма как системы и диалектической логики как метода. В логике развития марксизма западный марксизм с самого начала своего возникновения в 1923 году был маргинальной мутацией, поскольку во всех своих вариациях (как это показал П. Андерсон) пытался соединить историко-экономическую доктрину марксизма с каким-нибудь иным, немарксистским философским учением. Он в принципе не способен представлять самостоятельную альтернативу в палитре мировой философии. Аутентичный марксизм развивался в СССР. В первой половине XX века его развивал Деборин и его школа, во второй половине XX века — Ильенков и его школа.

В последнем случае развитие происходило в основном на материале политэкономии и истории философии. Я же перспективу вижу в соединении диалектической логики с философией человека и считаю человека наиболее адекватным, можно даже сказать, специфичным объектом изучения для диалектической логики, а человеческую индивидуальность — микромоделью, в которой наиболее наглядно реализуются законы диалектики. Роль «клеточки» в диалектическом изучении человека и его преобразующей деятельности должна, по моему мнению, выполнять такая категория, как предмет. В сфере методологии, я считаю, ведущим методом диалектической логики должен быть метод раздвоения единого, а уже ассистирующими и конкретизирующими его методами будут методы восхождения от абстрактного к конкретному и исторического, и логического. Применение метода раздвоения единого к такой «клеточке», как предмет, позволит раскрыть процесс самотрансцендирования человека и его социальную сущность.

О сущности человека

Выдающейся заслугой Ильенкова было разъяснение марксова определения сущности человека как совокупности или ансамбля общественных отношений. Это определение имело несчастную судьбу: его понимали как нивелирующее индивидуальность и те, кто его превозносил, и те, кто его осуждал. Происходило это потому, что его понимали абстрактно-логически, через вычленение общего признака. При том, что сам Маркс в этом случае прямо указал, что его определение фиксирует не абстракт, присущий отдельному индивиду.

С.Н. Корсаков
Марксизм и предметность человека: актуальность идей Ильенкова о человеке и сознании

Ильенков показал марксово определение сущности человека как конкретно-всеобщее. Он сделал это, презрев правило аристотелевской логики, что о сущности можно говорить лишь применительно к общему, и стал говорить о сущности индивидуального объекта, в данном случае о сущности личности. Чтобы не шокировать, Ильенков берет здесь слово «сущность» в кавычки, но суть дела от этого не меняется [Ильенков, 1991: 390]. Ильенков конкретизировал понятие совокупности общественных отношений до уровня личности, показав, что совокупность эта существует и развивается в личностях, а личности существуют в качестве узловых точек сей совокупности.

Мысль Ильенкова удобнее представить с использованием модного в наше время сетевого подхода: общественные отношения в качестве нитей, из которых состоит сеть, а личности — в качестве узлов сети. Ильенков так и пишет о возникновении личности: «узелок», который завязывается в «сети» взаимных отношений, возникающих в процессе коллективного труда по поводу предметов, создаваемых трудом [Ильенков, 1991: 393]. При этом сама сеть охватывает все человечество в его синхронном и диахронном измерениях. В человеческой сущности индивиды особым образом выражают общее; общее же существует как закономерное и многообразное взаимодействие индивидов. Марксово определение сущности человека работает как конкретно-всеобщее понятие, в котором всякое индивидуальное сохраняет свою особенность и тем дополняет органическую целостность понятия человека. Слово «ансамбль» к органической целостности применимо не в смысле ее завершенности, а в смысле сохранения особенного каждым единичным членом целого.

В каждой личности-узле непосредственно соединены лишь некоторые из видов деятельности и общественных отношений [Ильенков, 1991: 333]. Сущность личности, или же, иначе говоря — конкретный участок всеобщей совокупности общественных отношений — это те общественные отношения, в которые данная личность вступает, осуществляя, воспроизводя, преобразуя и обновляя общественно-необходимые способы деятельности с предметами. Обновляя — потому, что человек в процессе преобразования выделен из мира как самостоятельное начало, относится к миру универсально и работает с идеальным содержанием реальности. Воспроизведение известного и генерирование нового у человека совпадают. Он просто не может воспроизводить, не преобразуя. Скажем, одну и ту же лекцию каждый студент конспектирует собственным образом, по-своему выделяя главное и додумывая его. В этом смысле каждый узел сети человеческих отношений есть мини-реактор своеобразного обновления всей сети.

Определение Маркса открывает нам первопричину активности человеческой личности — то самое определение, про которое всегда говорили, что оно растворяет индивидуальность в обществе.

В действительности, если моя сущность — в совокупности общественных отношений, материализованной в предметной форме, то я, чтобы быть, оставаться собой, должен все время выходить за свои пределы к этой сущности, вновь и вновь овладевая ею и совершенствуясь каждый раз в ходе этого. Вот причина специфичного человеку самотрансцендирования, о котором писали Фромм, Франкл и другие философы-гуманисты XX века. Чтобы оставаться собой, человеку необходимо выходить за пределы самого себя. Саморазвитие человека происходит как постоянное самотрансцендирование и овладение собой и своим миром. Самотрансцендирование как человеческий способ развития закрепляет социальность не в качестве внешней, давящей на индивидуальность силы, а во внутренней диалогичности, ценностном самоопосредовании, чувстве индивидуальной ответственности.

Можем ли мы указать границы личности как конкретного участка совокупности общественных отношений, проследив до конца все исходящие из узла нити сети? Нет. Пределом для личности является человеческое общество как целое в его обоих измерениях: синхронном и диахронном. В пределе в состав совокупности общественных отношений, составляющих мою личность, опосредованно входят все ныне живущие люди, где бы они ни жили, и все жившие люди вплоть до кроманьонца или древнеегипетского крестьянина. В этом смысле личность — это свернутое человеческое общество. Оно свернуто в личности целиком в своей синхронии и диахронии, но выражено в ней особым образом, особенность которого определяется той конкретной совокупностью общественных отношений, которые она осуществляет в своей деятельности. Всеобщее для людей это не одинаковое в них, а напротив, они составляют всеобщее целое именно потому, что являются его особенными выражениями. Марксистское понимание личности в этом отношении совпадает с подходом Бахтина, поскольку показывает, в чем состоит основа незаменимости личности в бытии и ее ответственности за то, что со своего места в бытии может сделать для человечества как своей всеобщей сущности только она одна.

Что же является простейшей основой этой всеобщей совокупности, подобно тому как товар был у Маркса «клеточкой» отношений стоимости? *Предмет.* Общественные отношения между людьми возникают и существуют по поводу предметов. Совокупность общественных отношений — это и есть предметно-преобразующая деятельность человечества в ее структурном измерении. Совместная деятельность людей превращает объекты природы в предметы удовлетворения потребностей, а создавая предметы, порождает новые потребности. Сама деятельность носит закономерный характер, ибо в ее основе лежит познание законов природы и использование знания об этом реальном идеальном при создании предметов. Каждый из видов деятельности осуществляется через некоторую совокупность

С.Н. Корсаков
Марксизм и предметность человека: актуальность идей Ильенкова о человеке и сознании

предметов, сами же виды деятельности многообразны и в конечном счете отражают структуру реальности. Содержание общественных отношений заключается, по Ильенкову и А.Н. Леонтьеву, в выработке и воспроизведении общественно-необходимых способов деятельности с предметами [Ильенков, 1991: 249; Леонтьев, 1972: 134].

Общественное отношение есть предметное отношение, которое может быть правильно понято только в свете диалектической логики. Оно раздвоено на предмет и субъект, которые опосредованы, соединены между собой через средство. Средство соединяет предмет и субъект и одновременно разделяет их, выделяя субъект из мира предметов. В свою очередь, каждый из трех компонентов предметного отношения раздвоен внутри себя. Предмет процессуален, это одновременно наличный объект природы и тот артефакт, которым он становится. Средство существует лишь в постоянном воссоединении орудия и человеческой способности. Наконец, субъект осуществляет управление по отношению к себе, воздействует на себя с помощью идеальных средств (целей, команд, образов).

Совокупность общественных отношений преобразующей деятельности людей возникает по поводу предметов, но и сами люди, вступая в общественные отношения, то есть, осуществляя человеческий способ существования, становятся предметами для самих себя, находятся в общественном отношении к себе. В этом смысле весь человеческий мир един, подчиняется одним общим законам и не оставляет места для спиритуалистических спекуляций. Вместе с тем в человеке предметное отношение выражено по преимуществу. Специфическое отличие людей как предметов в том, что они суть предметы для самих себя и одновременно находятся в предметном отношении к внешним предметам. И так же, как раздвоенность товара на стоимость и потребительную стоимость выступает основанием самодвижения производственных отношений в сфере экономики, так самоотношение человека есть исток саморазвития совокупности общественных отношений.

Ильенков пишет: человеческая индивидуальность существует лишь там, где человек находится в социальном отношении к себе, опосредованном отношением к другому человеку с помощью вещи, искусственно созданной человеком для человека [Ильенков, 1991: 396]. В этом удвоенном опосредовании — тайна человеческой индивидуальности. Если личность понимать как *конкретный участок* человеческой сущности — совокупности общественных отношений, то человеческая индивидуальность есть *контур управления* этой совокупностью, объективная рефлексивность, неравность самому себе, благодаря которой осуществляется корректировка поведения и овладение собой на новой, более высокой ступени организации. Индивидуальность как самоотношение, как

отношение к себе как к другому, выступает истоком творчества, создания нового и в себе, и в предметном мире. Понять человеческую индивидуальность можно лишь в диалектической логике с помощью метода раздвоения единого, когда равенство Я есть Я по самой своей сути означает неравенство Я самому себе.

О сознании

Теперь о сознании. Тайна человеческой индивидуальности как самоотношения, удвоенного опосредования совпадает по своему существу с тайной человеческого сознания и раскрывается методами диалектической логики. Ильенков, иронизируя, приводил высказывание неназванного противника диалектической логики: «Отношение может быть только между одним и другим! Отношение к самому себе — это незаконное сочетание терминов!» [Ильенков, 1991: 400]. С точки зрения Ильенкова, напротив, понятие тем точнее, чем лучше оно выражает объективно существующий парадокс. В обнаруженном парадоксе кроется истина. Как учил Гегель: противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения [Гегель, 1970: 265]. Сознание же — яркий пример такого парадокса. Не зря Витгенштейн говорил некогда о парадоксальности сознания: человек может делать вид, что он без сознания, но не может делать вид, что он в сознании [Витгенштейн, 2001: 139].

Сознание — феномен жизни и не менее парадоксально, чем сама жизнь. Ильенков заметил в одной из работ, что к огорчению людей, абсолютизирующих правила формальной логики, правильно выраженное в языке диалектическое противоречие ничем не отличается от алогизма [Ильенков, 1991: 20]. Слова естественного языка формируются не по законам выстраивания сетки понятийного аппарата, а скорее как леви-брюлевские коллективные представления (или, как выражался Михаил Задорнов, «по природоведическому смыслу»), и зачастую не только нечувствительны к противоречиям, но прямо их демонстрируют. Скажем, корень ляг-ляж представляет нам слова, выражающие покой и быстрый ход одновременно: мы ложимся отдыхать, опускаясь на ляжку, но лягавая развивает быстрый ход благодаря развитым ляжкам. Или же: словом «забор» мы обозначаем и изъятие («забор крови»), и охранение от изъятия.

Сейчас общим местом стало утверждение, что в наше время в философии и так называемых когнитивных науках осуществлен прорыв в понимании сознания. В Институте философии РАН недавно Ученый совет даже утвердил тему диссертации про «искусственное сознание», проводятся семинары по «сознанию животных».

С.Н. Корсаков
Марксизм и предметность человека: актуальность идей Ильенкова о человеке и сознании

На самом деле в методологических подходах к сознанию ничего нового придумать нельзя. Были и остаются только три возможных подхода: 1) изнутри сознания — феноменалистский, или, уже говоря, интроспективный, который наследует у Декарта, Локка, Беркли и Юма аналитическая философия [Беседин и др., 2021]; 2) извне сознания в морфологическом смысле, при понимании его как субъективного измерения процессов, происходящих в материальном носителе — мозге (информационных, нейрофизиологических и других), примером чего может служить информационная теория Д.И. Дубровского [Дубровский, 1980: 156–163]; и 3) тоже извне сознания, но в социальном смысле, при понимании его как субъективного измерения предметно-преобразующей деятельности человека. Ильенков является классиком третьего подхода.

В соответствии с этим подходом в преобразующей деятельности человека идут рука об руку удвоение и универсализация, то есть способность воспринимать в реальности идеальное, которой лишены животные. Преобразование природы выделяет человека из природы. Преобразуя в ходе деятельности природу в соответствии с ее законами, ее собственным идеальным, человек создает вторую природу и, удваивая реальность, обретает способность универсального отношения и самоотношения.

Материалист прежде всего подчеркивает вторичность сознания по отношению к объективной реальности, его возникновение в ходе отталкивания, возвращения, отражения от предметов внешнего мира. Вопрос в том, как осуществляется это отражение. Ильенков пишет, что в ходе предметной деятельности Я отражаю предмет вместе с отношением к нему другого индивида, совместно с которым я осуществляю деятельность. В случае такого «рикошета» от другого, другим для себя становлюсь я сам [Ильенков, 1991: 399]. Примерно о том же писал Выготский: мы сами в отношении себя является тем же самым, чем другие являются в отношении нас. Из тождества механизмов сознания и социального контакта Выготский делал вывод о необходимости социологизировать все понимание сознания [Выготский, 1982: 96].

По Ильенкову, сознание возникает как интериоризация идеального измерения (например, законов природы), вычлененного у природы и воплощенного в предметы и правила коллективной жизнедеятельности. Включение в общество, в мир социальных предметов и правил вынуждает индивида отличать себя от своего тела и относиться к себе как единичному представителю (как пишет Ильенков) «другого» [Ильенков, 1991: 263]. Отношение к себе — это то же самое отношение к другому, опосредованное предметом (материальным или идеальным). Но секрет в том, что здесь имеет место двойное опосредование. В предмете в свернутом виде представлен мне не просто другой человек, но определенный класс предметов и общественно необходимый

способ действий с этими предметами. В этом, по Ильенкову, состоит природа понятийного обобщения, а не в наличии у предметов данного класса набора совпадающих признаков [Ильенков, 1991: 235, 328].

В широком смысле можно сказать, что в предмете представлен не только один, основной для него способ действий, но через него — еще несколько других таких способов. Когда утром мы жарим котлету, в ней представлена не только технология жарки, но способы действий пастуха, мясника, торговца, электрика, управдома. Предмет представляет человеку общество в целом, а следовательно, и его самого как часть общества. Присущая мышлению людей рефлексивность рождается не в мышлении, а возникает как эффект деятельности, как общественное опосредованное отношение.

В какой момент, вычленив аналитически, мы можем говорить не просто об отражении, опосредовании, самоотношении, рефлексивности, а именно о сознании? Сознание возникает, *когда наше отношение к предмету само становится предметом нашего отношения*. Когда мы забиваем молотком гвоздь, мы относимся к предмету — гвоздю, следим за тем, чтобы точно его забить, и одновременно относимся к нашему отношению к предмету — следим за тем, чтобы не попасть по пальцу. Происходит своего рода удвоение удвоения.

Мы ошибемся, если будем считать сознание неким источником, испускающим луч света, освещающий предметы внешнего мира. Сознание — не состояние, не одно из состояний человеческого организма. Сознание невозможно зафиксировать как «нечто». Вторичность сознания в том, что оно не предмет, который может быть мыслим, а направленность на предмет, интенциональность как таковая. Выготский писал в терминах столетней давности, что сознание не есть рефлекс и не может поэтому быть объектом переживания, оно есть передаточный механизм между системами рефлексов, иными словами, рефлекс рефлексов [Выготский, 1982: 94]. Сознание Выготский определил следующим образом: «Сознания как определенной категории, как особого способа бытия не оказывается. Оно оказывается очень сложной структурой поведения, в частности, удвоения поведения в трудовой деятельности» [Выготский, 1982: 98].

Сознание не только не природное, изначальное, но даже не приобретенное свойство человеческого мозга. Мы сказали, что суть сознания в удвоении и самоуправлении. Поэтому в человеке оно существует не как свойство, а как деятельность. Человеческая деятельность не существует постоянно как некоторое свойство человека, но все время возобновляется им как *осуществление*, хотя в каждый данный момент у человека всегда имеет место какая-то деятельность. Подобно этому и сознание не существует постоянно как свойство человеческого мозга, пусть даже социализированного, но каждый раз возобновляется в отношении человека

С.Н. Корсаков
Марксизм и
предметность
человека:
актуальность
идей Ильенко-
ва о человеке
и сознании

к предмету, пробегая путь от субъекта к предмету и обратно, и каждый раз изменяя, совершенствуя субъект-предметное отношение. Вот почему все, кто так или иначе пытались определить сознание как свойство (в том числе «свойство высокоорганизованной материи...»), а не как деятельность, так и не смогли этого сделать.

Я не замечаю постоянного возобновления сознания, оно кажется мне непрерывным, подобно тому, как при показе кино кадры сливаются в непрерывное изображение. В действительности сознание дискретно, оно состоит из отдельных интенций, вектор которых все время меняет направление то на предмет, то на меня. Я все время замыкаю и возобновляю этот цикл, и это требует от меня усилия, которым проявляется в мире моя индивидуальность. Сознание, как и индивидуальность, обеспечивают самотрансцендирование человека. В ходе жизненного пути я осваиваю новые предметы, виды действий и общественных отношений, и чтобы интегрировать их в свое личностное целое и свободно владеть ими, я должен повышать уровень индивидуального самоуправления и развивать свое сознание.

Ильенков раскрывает работу сознания через диалектику распремечивания (идеализации) и опредмечивания (материализации). Он пишет: «Эти два реально противоположных друг другу процесса в конце концов замыкаются на более или менее четко выраженные циклы, и конец одного процесса становится началом другого, противоположного, что и приводит в конце концов к движению по спиралеобразной фигуре со всеми вытекающими отсюда диалектическими последствиями» [Ильенков, 1991: 238–239]. Ильенков пишет далее, что идеальное существует в постоянной смене двух форм: формы деятельности и предметной формы, через непрекращающийся процесс превращения одной формы в другую и не совпадет ни с одной из них, взятой порознь [Ильенков, 1991: 269]. Ильенков подчеркивает специфичность для психики человека процесса превращения материального в идеальное и обратно как процесса, постоянно замыкающегося на себя, на новые и новые циклы, витки спирали [Ильенков, 1991: 239]. В этих формулировках Ильенкова я усматриваю теоретическую основу программы изучения сознания в рамках третьего из названных выше подходов, которое бы видело в человеке неравность самому себе, а в его сознании устойчивость в неустойчивости, подобную той, что мы наблюдаем в гребле, когда одно движение руки гребца дает обратное движение другой руки и так далее с раскруткой.

Материализм и конструктивизм

Ильенковское понимание человека и сознания имеет наряду с фундаментальным и прикладные измерения. Я кратко обозначу

только два сюжета. Они весьма важны, и для разработки их понадобились бы отдельные статьи. Кроме того, рассмотрение прикладных аспектов философских теорий сопряжено с реконструкцией аргументации внутри философской полемики, что также является самостоятельной задачей.

Первый. Ильенков возвысил голос против эпистемологического и социального конструктивизма (и показал, что второй вытекает из первого) тогда, когда самих этих понятий еще не существовало. Он прояснил, что в основе подобных интеллектуальных практик и социальных технологий лежит, в конечном счете, отрицание объективной реальности, отрицание законосообразности природы и человеческой деятельности как ее составной части, а, стало быть — как неминуемое следствие — и отрицание научного мышления как такового. В этом, по справедливому замечанию Ю.В. Пущаева, «загадка» последней, посмертно вышедшей книги Ильенкова «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» — самой слабой из его книг в литературном отношении и наиболее программной из них — в содержательном (в смысле самоопределения в философской системе координат) [Пущаев, 2024]. А не в том, что Ильенков *«лепил из не философа Ленина великого диалектика»*, как *наивно* писал один современник Ильенкова [Михайлов, 2024: 171].

Ильенков как раз и был «гениальным продолжателем бессмертного дела Ленина» в философии. Мы не поймем ни спор Ленина и Богданова, ни спор Ильенкова и Дубровского в оптике разногласий внутри марксистской философии. Вероятно, к традиционным демаркациям философии (материализм versus идеализм; наукообразный тип философствования versus «экзистенциальный») нам следует добавить не менее фундаментальный водораздел: на диалектический («гегельянский») и феноменалистский («юмистский») подходы к реальности, к сущности человеческого мышления и практики. Последний прошел свою эволюцию: от отрицания теологии ради философии (Юм), через отрицание философии ради науки (Богданов) к отрицанию науки ради свободного технократического конструирования реальности субъектом (Щедровицкий) [Щедровицкий, 2000: 19–21, 123–124]. Можно, конечно, продолжать называть наукой «производство знания», получаемого в результате конструирования схем и отказа от принципа объективности [Розин, 2022], но от этого оно... «не станет дедушкой». Позиция Ильенкова противостояла этому в свое время, и поскольку она продолжает существовать, противостоит в современной философии информационному, системному, мыследеятельностному, рефлексивно-организационному, синергетическому подходам (и сторонники их хорошо это понимают). При характеристике же философских учений теперь нужно учитывать,

С.Н. Корсаков
Марксизм и
предметность
человека:
актуальность
идей Ильенко-
ва о человеке
и сознании

что ни понятие «марксизм», ни понятие «деятельность», ни понятие «рефлексивность», ни понятие «тождество бытия и мышления» не могут определять философской позиции по существу и покрывают концептуальные содержания, взаимоисключающие друг друга по иным, более фундаментальным философским основаниям.

Второй. Ильенков 60 лет назад предвидел, что угроза будущему человечества исходит от технократического самомнения Адам Адамычей, конструирующих Интегралов [Ильенков, 1968], и что позитивизм есть прямая дорога к трансгуманизму. Термин «позитивистский» употреблен нами здесь в широком смысле слова, как он употреблялся Ильенковым. Речь у него шла не столько о философском направлении, сколько о стиле мышления и стиле социального действия.

Надо сказать, что сам Ильенков не избежал в своем творчестве позитивистских подходов, критиком которых был. Радикальный гносеологизм, отрицание онтологии, присущие его творчеству с самого начала, я рассматриваю как уступку позитивизму. Ни одна наука не может своими силами выстроить себя на диалектико-логической основе [Корсаков, 2016]. Когда каждая из частных наук доходит до вопроса о своих основаниях, она выходит в сферу философских вопросов данной науки. Философия призвана и должна осуществлять направляющую роль в научном познании.

Позитивистское мышление не видит, не фиксирует сверхчувственной объективности социальных отношений. Находясь в сфере доступной его пониманию реальности, такое мышление намеревается решать проблемы человека через изменение его морфологии, посредством «антропотехнологической эволюции» [Дубровский, 2015: 215], вживления чипов и проч., то есть способом, который применим к селекции животных, продолжающей естественную эволюцию путем применения искусственных средств, а не к людям.

Трансгуманизм стал «бегством от свободы» XXI века. Фетишизируя новые технологии, люди добровольно пытаются отказаться от свободы, выделившей их некогда из природной эволюции видов. Свободы, суть которой в том, что человек стал универсальным существом, так как приспосабливается, преобразовывая среду в соответствии с ее законами и изменяя свои собственные общественные отношения, но перестав при этом менять собственную телесность, вырвавшись из ее плена. Вы свободны в том, чтобы отложить в сторону авторучку, тогда как кальмар носит чернильную железу в своем теле. Ильенков определял эту свободу человека как свободу от какого бы то ни было заранее «встроенного» в человеческую морфологию способа функционирования и оценивал подобную независимость от морфологической определенности как морфологическое преимущество человека [Ильенков, 1991: 397]. Трансгуманисты предлагают человеку вместо снятия отчуждения путем радикального изменения

капиталистических общественных отношений вновь и вновь приспосабливать свою телесность к среде, «непоправимо» испорченной «глобальными проблемами», а на деле — перегнивающим отчужденным способом производства.

Ильенков в своей антиутопии «Тайна черного ящика» гениально предвидел патовую ситуацию, в которой «Электронная цивилизация» погрязнет в XXI веке [Ильенков, 1968]. Человек, так и не ответив на слишком сложный для него философский вопрос «Что есть человек?», притязает перейти в транс-состояние, заменив собой бога, конструируя формы субъектности. Победно распространяется в современной философии проблематика акторности, агентности, актантности, автономности, альтернативной онтичности, химерности. Посмотрите на программу Римского философского конгресса 2024 года: с десятков «круглых столов» по «постчеловеческой» тематике и ни одного по проблеме гуманизма. В этом нет ничего удивительного, ибо девиз «Электронной цивилизации» — *потребление и контроль*.

Возможности новых технологий рассматриваются и оцениваются, как и любой другой товар, в аспекте их привлекательных потребительских достоинств для повседневного комфортного существования, для лучших условий ведения бизнеса, для новых возможностей общения, получения впечатлений и времяпрепровождения (чаще всего, не имеющего творческого характера). Нет необходимости действовать самому: все за тебя сделает домашний или социальный робот. Но тогда по законам отчужденной модели социальности субъект утрачивает функцию контроля. Она отделяется от человека, превращаясь во внешнюю принуждающую силу. Основной организационный тренд социальности сегодня в том, что управленцы-технократы ставят перед разработчиками электронных технологических систем задачу взять под контроль все возрастающее число человеко-действий. И чем настойчивее задача решается, тем шире становится периметр неохваченных контролем *возможных* человеко-действий. В итоге стремление поставить под контроль «Искусственного интеллекта» конечное число причинных взаимодействий упрется в предел «Бесконечности», о которой писал Ильенков, и приведет к хаотизации отношений во всех сферах реальности, которые «Управляющие Устройства» и «Жадные Хамы» из его антиутопии надеялись поставить под свой «абсолютно прозрачный» и вечный контроль. И тогда по Ильенкову *пробьет час* «Электронной цивилизации». Наступит предел, когда «машины», в которые хотели превратить людей, «заволнуются», и «среди них найдутся даже вновь уверовавшие в Бесконечность, а заодно — и в Человека. И таких отдельных машин становилось все больше и больше» ... [Ильенков, 1968: 25].

С.Н. Корсаков
Марксизм и
предметность
человека:
актуальность
идей Ильенко-
ва о человеке
и сознании

* * *

Марксизм не принадлежит сейчас к влиятельным интеллектуально-философским течениям. Но, говоря в марксистской оптике, он как наиболее передовое учение, выявляет в себе главную альтернативу современности: каким путем пойдет человечество? Будет ли оно преобразовывать внешнюю и тем более свою собственную природу, сообразовываясь с ее законами, либо же попытается изменять сами законы. В том числе социальные: например, попытается осуществлять нестихийное развитие социумов в рамках строя частной собственности. В этих условиях «марксизмы» все далее будут расходиться друг от друга по тому основанию, которое было обнаружено в споре Ленина и Богданова (а еще раньше — Маркса и Бакунина) и реинкарнировалось в последующей истории мирового марксизма: материализм или конструктивизм (в эпистемологическом отношении) и гуманизм или транс-и постгуманизм (в антропологическом отношении). Второй из марксизмов будет функционировать как разновидность либерализма — для тех, кому не подходят иные формы подачи идеи свободы. Путь первого — в поисках соединения с традиционализмами разного рода, опирающимися на религиозно-философские основания. Платформа для такого соединения — в признании первичности объективной реальности, которая может уже в свою очередь трактоваться либо материалистически, либо объективно-идеалистически.

Marxism and the Objectivity of Man: The relevance of Ilyenkov's ideas about man and consciousness

Sergey N. Korsakov

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow.

Institute of Philosophy RAS.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5272-9675

E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Abstract. The article was written in connection with the centenary of the outstanding Soviet philosopher Evald Vasilyevich Ilyenkov (1924–1979). It talks about the significance of Ilyenkov's ideas in the history of philosophy, about his place within the framework of Marxist philosophy, the authentic form of which was developed in the Soviet Union by the school of dialectics, and then by the school of Ilyenkov. The main attention is paid to Ilyenkov's ideas about man and consciousness. The idea of combining dialectical logic with human philosophy (philosophical anthropology) is proposed as promising. The role of the category “object” and the method of dividing

the whole in the knowledge of a person and his individuality is emphasized. It is concluded that Ilyenkov revealed the well-known Marxian definition of the essence of man in accordance with the instructions of Marx himself as a concrete-universal concept that allows us to lay a philosophical foundation for the understanding of man as an active creative individuality. Ilyenkov's ideas about consciousness are considered, and the prospects of the procedural understanding of consciousness and the approach to it as a double relationship to an object are discussed - an attitude to a relationship, a constantly renewed dimension of objective activity. Applied consequences from Ilyenkov's interpretation of man and consciousness are noted. They relate, firstly, to Ilyenkov's criticism of the constructivist style of thinking, which he designated by the term "positivist," and which, despite the terminological appearance created, displaces science as knowledge of the laws of nature. Secondly, Ilyenkoym's criticism of technocratic conceit, which, promising man a "consumer paradise" with the help of electronic civilization, naturally transformed into transhumanism, returning man from the freedom of social creativity to the order of biological evolution of species.

Keywords: Ilyenkov, dialectics, marxism, philosophy of man, consciousness, subject, bifurcation of the one, individuality, self-transcendence, intentionality, constructivism, transhumanism.

For citation: Korsakov S.N. Marxism and the Objectivity of Man: The relevance of Ilyenkov's ideas about man and consciousness // *Chelovek*. 2025. Vol. 36, N 1. P. 7–22. DOI: 10.31857/S0236200725010011

Литература/ References

- Беседин А.П., Волков Д.Б., Кузнецов А.В., Логинов Е.В., Мерцалов А.В. Интроспекция: современные подходы и проблемы // *Эпистемология и философия науки*. 2021. № 2. С. 195–215.
- Besedin A.P., Volkov D.B., Kuznetsov A.V., Loginov E.V., Mertsalov A.V. Introspektsiya: sovremennyye podkhody i problemy [Introspection: modern Approaches and Problems]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2021. N 2. P. 195–215.
- Витгенштейн Л. Заметки о философии психологии. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Wittgenstein L. *Zametki o filosofii psikhologii* [Notes on the Philosophy of Psychology]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi Publ., 2001.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.
- Vygotsky L.S. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika Publ., 1982.
- Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М.: Мысль, 1970. Т. 1.
- Hegel G.V.F. *Raboty raznykh let* [Works from Different Years]. Moscow: Mysl Publ., 1970. Vol. 1.
- Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высшая школа, 1980.
- Dubrovsky D.I. *Informatsiya, soznaniye, mozg* [Information, Consciousness, Brain]. Moscow: Vysshayashkola Publ., 1980.

С.Н. Корсаков
Марксизм и
предметность
человека:
актуальность
идей Ильенко-
ва о человеке
и сознании

- Дубровский Д.И. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции // Вопросы философии. № 3. 2015. С. 214–220.
- Dubrovsky D.I. K voprosu o global'nom budushchem i transgumanisticheskoy evolyutsii [On the Question of the Global Future and Transhumanistic Evolution]. *Voprosy filosofii*. N 3. 2015. P. 214–220.
- Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968.
- Ilyenkov E.V. *Ob idolakh i idealakh* [About Idols and Ideals]. Moscow: Politizdat Publ., 1968.
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
- Ilyenkov E.V. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1991.
- Корсаков С.Н. Рец. на кн.: Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) / авт.-сост. Е.Э. Иллеш. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2016. // Человек. 2016. № 6. С. 173–177.
- Korsakov S.N. Rets. na kn.: Strastipotezisam o predmetefilosofii (1954–1955) / Avt.-sost. Ye.E. Illesh. M.: Izdatel'stvo «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya», 2016. [Rec. on the book: Passions on theses on the subject of philosophy (1954–1955) / author-ed. E.E. Illesh. Moscow: Publishing house Canon+, ROOI Rehabilitation Publ., 2016.] *Chelovek*. 2016. N 6. P. 173–177.
- Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 129–140.
- Leontyev A.N. Deyatel'nost' i soznaniye [Activity and consciousness]. *Voprosy filosofii*. 1972. N 12. P. 129–140.
- Михайлов Ф.Т. Опять о нем и про него... // Образ Эвальда Ильенкова в воспоминаниях. М.: Русская панорама, 2024.
- Mikhailov F.T. Opyat' o nem i pro nego... [Again about Him and about Him...]. *Obraz Eval'da Il'yenkova v vospominaniyakh* [The Image of Evald Ilyenkov in Memoirs]. Moscow: Russkaya panorama Publ., 2024.
- Пуцаев Ю.В. Загадка последней книги Ильенкова: почему именно А.А. Богданов оказался его итоговым оппонентом // Вопросы философии. 2024. № 3. С. 29–40.
- Pushchayev Yu.V. Zagadka posledney knigi I l'yenkova: pochemu imenno A.A. Bogdanov okazalsyay ego itogovym opponentom [The Mystery of Ilyenkov's Last Book: why Exactly A.A. Bogdanov Turned out to be his Final Opponent]. *Voprosy filosofii*. 2024. N 3. P. 29–40.
- Розин В.М. От принципа объективности научного знания к реконструкции разных ситуаций производства знания // Идеи и идеалы. 2022. № 3. Ч. 1. С. 75–92.
- Rozin V.M. Ot printsipa ob'yektivnosti nauchnogo znaniya k rekonstruktsii raznykh situatsiy proizvodstva znaniya [From the Principle of Objectivity of Scientific Knowledge to the Reconstruction of Different Situations of Knowledge Production]. *Idei i idealy*. 2022. N 3. Part 1. P. 75–92.
- Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология: курс лекций. М.: Путь, 2000. (Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 4).
- Shchedrovitsky G.P. *Orgupravlenncheskoye myshleniye: ideologiya, metodologiya, tekhnologiya: kurslektsiy* [Organizational Thinking: Ideology, Methodology, Technology: a Course of Lectures]. Moscow: Put Publ., 2000. (From the archive of G.P. Shchedrovitsky T. 4).